

ГЛАВА I

БУДУ УБИВАТЬ, «ПОКА В ЭТОМ ЕСТЬ НЕОБХОДИМОСТЬ»

Давно и широко известно, что умные учатся на чужих ошибках, а не очень умные — на своих собственных,

На чьих ошибках должно учиться человечество?

Коль скоро мы одни во вселенной (по крайней мере такова информация на сегодняшний день), то вне зависимости от того, каков интеллектуальный потенциал человечества, оно обречено учиться на своих собственных ошибках.

И главная ошибка межвоенного периода, приведшая к началу Второй мировой войны, заключалась в том, что демократические страны не смогли или не захотели преодолеть ту идеологическую, политическую, морально-психологическую несовместимость, которая разделяла их с Советским Союзом.

28 февраля 1945 г. ТАСС сообщал из Лондона, что министр иностранных дел Великобритании Антони Иден, выступая в палате общин британского парламента, заявил, что в Англии есть люди, которые считают, что Россия, воодушевленная победой, возьмет курс на завоевание господства в Европе. «Это, — говорил Иден, — постоянная тема германской пропаганды. Это было... и до войны. Затем темой стало большевистское пугало... немцы говорили, что ими движет страх перед Россией». Мне, отмечал министр иностранных дел Великобритании, часто говорил это в различные периоды даже сам Гитлер. «Может ли кто-нибудь сомневаться в том, — резюмировал Иден, — что эта тема перед войной была постоянным элементом, который затруднял нам создание любой формы взаимопонимания с Советской Россией. Может ли кто-нибудь сомневаться, что если бы мы в 1939 г. имели единство между Россией, Англией и Соединенными Штатами, которое мы сцементировали на Конференции в Ялте, то не было бы нынешней войны»¹.

Нельзя не согласиться с этой оценкой Идена. Только разобщенность между Советским Союзом и западными демократиями позволила фашистской Германии и ее сателлитам развязать самую страшную войну в истории человечества.

Роль Сталина в реализации внешнеполитического курса Советского Союза была столь же решающая, как и в вопросах внутренней жизни нашей страны. Его слово было законом для любого, в том числе и для внешнеполитического ведомства СССР. И вполне естественно, что по мере роста напряженности в мире, все более стремительного приближения военной опасности, во всех крупных державах все с большим вниманием следили за обстановкой в Москве и в первую очередь за всеми событиями, в той или иной мере связанными со Сталиным.

Все крупнейшие газеты и журналы фиксировали внимание на упрочении позиций Сталина в советской партийной и государственной структурах.

На Западе было широко известно, что во всех своих выступлениях, при принятии важнейших решений, определявших внутреннюю и внешнеполитическую жизнь страны, Сталин всегда подчеркивал свою верность курсу Ленина.

В канун войны в зарубежных странах обратили внимание на то, что в советской пропаганде на самом высоком уровне появились новые нотки, когда заходила речь о Сталине как верном ленинце, продолжателе дела основателя коммунистической партии и Советского государства.

Швейцарская газета «Нойе цюрихер цайтунг» опубликовала 15 февраля 1939 г. большую статью под заголовком «15 лет после смерти Ленина». «15-я годовщина со дня смерти Ленина, — писала газета, — отмечалась в этом году в своеобразной форме. Прославление Сталина как “лучшего ученика Ленина” уже закончено, и «равноправие» между Лениным и Сталиным восстановлено. Однако можно видеть, что этим дело не ограничивается. Ленин должен войти в историю большевистской партии только как человек, расчистивший путь для подлинного коммунистического мессии — Сталина». Правда, указывала газета, Ленин для современной России является «крупнейшим теоретиком», однако Сталин является «никем не превзойденным руководителем практической политики». Никакого секрета не делается из того, что «практической политике» принадлежит первенство и что с одной лишь «теорией» Ленина нельзя было сохранить большевистский режим. Об этом, отмечала газета, совершенно недвусмысленно заявил в своей речи на заседании в Большом театре Щербаков, являющийся сотрудником Жданова. «Поэтому нет ни-

чего удивительного в том, что вдова Ленина Крупская, которая не была хотя бы ради проформы выбрана в президиум траурного заседания, отказалась присутствовать на заседании, которое служило исключительно возвышению Сталина за счет умершего Ленина»².

27 февраля 1939 г. скончалась Надежда Константиновна Крупская. Эта скорбная дата тоже не осталась без внимания антисоветских кругов за границей.

Фашистский официоз Германии «Фелькишер беобахтер» 2 марта 1939 г. напечатал следующее сообщение из Варшавы: «Незадолго до смерти вдовы Ленина — Надежды Крупской в ее частной квартире появилась комиссия Центрального Комитета коммунистической партии в составе заместителя Молотова Микояна, комиссара безопасности Берии и личного секретаря Сталина Маленкова, которая конфисковала весь частный архив Крупской и препроводила его в Генеральный секретариат коммунистической партии». В сообщении говорилось, что в архиве Крупской было много важных документов и писем Ленина, «избежать опубликования которых Сталин имел все основания. Кроме того, среди бумаг находились документы о политических процессах против вождей оппозиции и о деле маршала Тухачевского. Конфискация архива произошла незадолго до смерти Крупской, когда она без сознания лежала в Кремлевской больнице»³.

Отношения между Сталиным и Крупской были очень сложными и при жизни Ленина. Еще больше они ухудшились после смерти Владимира Ильича.

Эту тему в борьбе со Сталиным очень активно использовал Троцкий. В одной из своих статей он ссылаясь на заявление Крупской в 1926 г.: «Если б Володя был жив, он сидел бы сейчас в тюрьме»⁴. В этой же статье Троцкий не утверждал прямо, но с присущим ему талантом полемиста подводил читателя к выводу, что Сталин мог отравить Ленина⁵.

Средства массовой информации зарубежных стран внимательно следили не только за политической конъюнктурой в Советском Союзе, но и за всеми крупными событиями на идеологическом фронте в СССР. В частности, широко комментировался выход в свет школьного учебника по истории для начальных классов. Казалось бы, это было не столь уж крупное событие общественной жизни великой державы, но и оно нашло отклик в прессе Запада.

В частности, в английском журнале «Контемпорери ревью» в апреле 1939 г. была опубликована большая рецензия на этот учебник — «Краткий курс истории СССР». В рецензии давались самые резкие оценки Сталину и другим советским руководителям.

В рецензии отмечалось, что в учебнике приводились очень мягкие характеристики Ивану Грозному и Петру Великому. Автор спрашивал: «Почему же в этом учебнике правители старой России получают такую мягкую оценку?» В рецензии высказывалось следующее соображение: «Ответ может быть легко найден, если читать этот учебник между строк. Его можно сформулировать следующим образом: “К прежним правителям старой России нужно относиться как к историческим предшественникам современного вождя народов Сталина”⁶.

Автор рецензии брал под защиту Троцкого и Бухарина и выражал недовольство тем, что их деятельность получила резко критическое освещение на страницах учебника.

Американский историк писал: «Сталин проводил новую политику, поэтому России надо было иметь новую историю, оправдывавшую эту политику»⁷.

Основные критические стрелы рецензент в журнале «Контемпорери ревью» направлял против Ленина и Сталина: «Как и подобает непобедимым сверхчеловекам, Ленин и Сталин преодолели величайшие трудности, которые были созданы “контрреволюционерами” и “враждебными державами”, и построение социалистического государства доведено до благополучного конца». Автор отмечал сверхидеализацию Сталина на страницах учебника: «Рисуя картину работы самого Сталина, “История” восхваляет его личность до таких размеров, что это напоминает прославление цезарей»⁸.

Публикация «Контемпорери ревью», посвященная новому школьному учебнику по истории СССР, убедительно свидетельствовала о том, что в тревожной предвоенной обстановке историческая наука являлась важной составной частью идеологической и политической борьбы, которая все более обострялась между конфликтующими сторонами, уже изготавившимися к решительной схватке на фронтах новой мировой войны.

И конечно, главное противоборство шло не между теми капиталистическими странами, которые скоро сойдутся в смертельной схватке на полях сражений Второй мировой войны.

В центре идеологической и политической борьбы находился Советский Союз. И это было зловещим предвестником того, чего особенно страшился Сталин и все советское руководство: вставал зловещий призрак возможного объединения главных стран капитала против Страны Советов. Это было то опасение, которое оказало столь роковое воздействие на внешнеполитический курс Сталина и явилось главной причиной его грядущих внешнеполитических ошибок, тех просчетов, за которые скоро пришлось платить страшную цену. Причем обращало на себя внимание резко критическое

отношение к Советскому Союзу и лично к Сталину и со стороны фашистского блока и тех держав, которые ориентировались на Англию и Францию.

С одной стороны, в этом была потенциальная угроза возможного формирования единого антисоветского фронта капиталистических держав, настоящего кошмара, который преследовал Кремль и в первую очередь лично Сталина. С другой — создававшаяся ситуация оставляла для Советского Союза свободу политического и дипломатического маневра, выбора той ориентации, которая, по мнению советской стороны, будет больше соответствовать национальным интересам СССР.

Советский Союз оказывался в положении невесты на выданье, которая могла получить предложение с любой стороны. Однако главный вопрос был в том, каков будет выбор самого Советского Союза.

Обстановка в мире была столь сложна, расстановка сил настолько запутана, что даже всего за несколько месяцев до заключения советско-германского пакта в Англии влиятельные силы были уверены в скором заключении англо-советского политического соглашения.

26 мая 1939 г. ТАСС сообщал из Лондона: «Оживление на лондонской бирже в связи с ожидаемым заключением англо-советского соглашения продолжается. На фондовой бирже эта новая повышательная волна уже стала известна под названиями: “Сталинский бум” и “Большевицкий бум”».

Причем важно отметить, что в оценке политической перспективы, очередного неожиданного для всего мира поворота Сталина во внешней политике ошиблась биржа — самый точный не только экономический, но и политический барометр в любой стране развитого капитализма.

Объяснялась эта ошибка (и не только в Англии) сложнейшей ситуацией на международной арене. Позади был приход фашизма к власти в Германии, аншлюс Австрии, позорный мюнхенский сговор западной демократии с фашистской Германией и его последствия, первая и проигранная демократией военная проба сил в борьбе с фашизмом в годы Гражданской войны в Испании.

Обстановка в мире была чрезвычайно сложна и запутанна. Однако четко прослеживалось одно направление — агрессивные державы легко и с большим запасом брали одно за другим важные препятствия на пути к развязыванию новой мировой войны.

В Европе Германия уже вышла на финишную прямую, готовая в военном, экономическом, политическом плане к началу мировой войны.

На Дальнем Востоке Япония несколько лет вела войну против Китая и уже испробовала прочность советских границ в районе озера Хасан. А впереди была решающая советско-японская проба военных сил в Монголии, на реке Халхин-Гол.

И чем напряженней становилась обстановка в мире, тем больший интерес проявляли зарубежные страны к Советскому Союзу, понимая, что, несмотря на все слабости советского режима, как считали на Западе, эта страна должна была сыграть важнейшую роль в неумолимо приближавшейся мировой схватке.

И этот интерес к Советскому Союзу автоматически перерастал в интерес к тому, кто был во главе страны, от одного слова которого зависела судьба не только многомиллионной великой державы, но и многих других государств мира.

В 1939 г. на Западе была опубликована книга Уильяма Мэйкина «Колония шпионов», которая во многом удовлетворяла обывательский интерес к личной жизни советского лидера.

Автор интригуяюще заявлял: «...Перейдем теперь к описанию... Кремля, где живет Сталин, напротив Красной площади в Москве.

Многие русские эмигранты, обитающие в кафе Парижа, Барселоны и Лозанны, готовят покушение на него почти денно и нощно, и они вынуждены признать, что Сталин охраняется значительно лучше, чем охранялся бывший русский царь».

В описании Мэйкина советский руководитель выглядел типичным затворником: «Сила и секретность окружают его. Никто из посторонних не знает точно, где он живет. Только известно, что живет он где-то в середине Кремля, окруженный охраной Комиссариата внутренних дел — бывшего ОГПУ. Действительно, он живет где-то в Кремле, в маленькой квартире, со своими двумя детьми. Он редко показывается. Иногда он появляется в театре».

Незадолго до публикации книги У. Мэйкина в Москве прошла серия процессов над «врагами народа», на которых постоянно муссировалась тема подготовки покушений на Сталина. Общественное мнение в зарубежных странах уделяло большое внимание этой проблеме. И естественно, что она нашла отражение на страницах книги Мэйкина. Автор писал: «Шансов на покушение на него очень мало. Необходимо помнить, что Сталин сам всю жизнь является революционером. Он был в тюрьмах, бежал из них, сам принимал участие в заговорах и подготовке покушений совместно с анархистами всех наций, и сам не раз вел борьбу с секретной полицией. Поэтому он достаточно подготовлен, чтобы вовремя предупредить и разгадать многие попытки покушений на него».

Нередко считали, что тема покушений на Сталина искусственно инспирирована в Советском Союзе, в частности, для того, что-

бы оправдать массовые репрессии 1937—1939 гг. Мэйкин не разделял эту точку зрения. Он считал, что попытки покушений на жизнь Сталина действительно имели место.

В книге говорилось: «Многочисленные попытки покушений на Сталина, до сих пор не удавшиеся, говорят о том, что его жизнь и безопасность представляют дело случаев»¹⁰.

С первых дней Октябрьской революции Кремль стал для всего западного мира символом коммунистической угрозы демократическим государствам. Эта «угроза» усиленно муссировалась всеми средствами массовой информации и ассоциировалась она, конечно, с личностью Сталина.

И естественно, что описанию Кремля, всего, что связано с его жизнью, каждый автор, писавший о Советском Союзе, о Сталине, уделял большое внимание. Не был исключением и Мэйкин. «Кремль, — писал он, — сам по себе является наиболее трудным местом для того, чтобы проникнуть туда. Он окружен *стенами*, и ворота, ведущие в Кремль, тщательно охраняются. Каждый иностранец — посетитель Кремля должен зарегистрировать свое имя за несколько дней до визита в Кремль. За ним наблюдают в момент, когда он входит и уходит из Кремля. В шутку говорят, что иногда сам Сталин должен предъявить удостоверение личности для входа в Кремль, так как не исключена возможность того, что кто-либо может войти туда переодетым и загримированным под Сталина».

Касаясь привычек Сталина, автор писал, что он не пользуется самолетом, как это обычно практикует Гитлер. Он всегда разъезжает поездом.

Обращает на себя внимание то, что даже в книгах и статьях, не отличавшихся патологической ненавистью ко всему советскому, Сталина нередко сравнивали с Гитлером, причем зачастую не только в чисто политическом и идеологическом плане.

У. Мэйкин, в частности, писал: «С некоторых пор заметно, что русская пропаганда сводится к личности Сталина. Цель, по-видимому, та, чтобы сделать из него национального вождя, как это имеет место в Германии с Гитлером. Все, что оставлено для его врагов, — распространять и далее слухи о том, что его здоровье крайне подорвано. Они надеются, что болезнь, на этот раз говорят о пекториальной ангине, завершит то, что все эти... убийцы не сумели сделать...»¹¹

Параллели между Гитлером и Сталиным были обычным явлением в западных странах. Американский автор писал: «Диктаторы (Гитлер и Сталин. — *Р.И.*) окружены шпионами, детективами, надежными приверженцами, которые создают стену между лидером

и массаами. Диктаторы боятся своего народа... Черчилль английского народа не боится»¹².

Во всех работах о Сталине подробно рассказывалось о системе охраны его персоны. Мэйкин в своей книге в деталях сообщал, кто и как охранял Сталина: «Двери в его квартире не имеют... замков. Они открываются и закрываются электрическими кнопками, находящимися на столе Сталина. Он выглядит уставшим. Эта тщательная охрана и опасения накладывают свой отпечаток. Он сам всегда был отличным стрелком из револьвера. Говорят, что рука его теперь не так крепка, как ранее...»

Убийство Кирова сыграло большую роль в последующей истории СССР. Именно после этого события был дан старт массовым репрессиям в Советском Союзе. За рубежом эти репрессии, и не без оснований, связывали с личностью Сталина. Эта тема не сходила со страниц газет и журналов самой различной политической ориентации.

Нашла она свое отражение и в книге У. Мэйкина: «После того как Зиновьев и Каменев после убийства Кирова были арестованы, Зиновьев тотчас же был сослан. Через несколько недель ему было предъявлено обвинение “в моральной ответственности за убийство Кирова”, и он был осужден на долгий срок.

Затем он и его единомышленники — многие из них оказались евреями — были обвинены в непосредственном участии в убийстве Кирова и в подготовке покушения на Сталина, с помощью немецкой секретной полиции»¹³.

Не менее 1500 человек из армии ОГПУ — секретной полиции, охранявшей Сталина, писал автор, были переброшены в другие части России. Были разные слухи о причинах такой переброски этих людей охраны. Наиболее вероятной из них является та, что Сталин сомневался в их преданности и опасался их охраны. Затем Григорий Ягода, глава ОГПУ, заявил в комнате № 101 на Лубянке, что он отстранен со своего поста. Сталин избрал на этот пост Ежова, русского человека... Подготовка покушения на Сталина на этот раз носила бесспорный характер.

Уильям Мэйкин приводил интригующие подробности подготовки покушения на Сталина, правда, не сообщалось, из какого источника были взяты эти детали. «Покушение, — говорилось в книге, — было окончательно разработано на совещании в лесу под Москвой. Секретные совещания по тому же вопросу продолжались в камерах тюрем. Подпольные листовки начали заполнять страну. Одна из этих листовок, изданная в форме газеты, озаглавленная “За Россию”, попала в мои руки. Это был официальный орган ан-

тибольшевистской группы, называвшей себя «Союз молодого поколения». Этот союз имел свой штаб в Югославии»¹⁴.

Книга Уильяма Мэйкина «Колония шпионов» — типичный пример публикаций, посвященных Сталину, которых появлялось столь много в 1939 г., когда во всем мире уже четко ощущалось ледяное дыхание приближавшейся мировой войны.

Уильям Мэйкин был не одинок в своей уверенности, что против Сталина плелись нити заговоров в СССР и, следовательно, репрессии были обоснованы.

Известный американский журналист Уолтер Дюранти опубликовал 14 июля 1937 г. статью «Московские процессы», в которой говорилось: «В конце... 1934 г. в Ленинграде был убит Киров, один из ближайших соратников Сталина. Это ознаменовало начало третьего, нынешнего этапа заговора (против Сталина. — *Р.И.*)». Дюранти писал, что «расследование этого убийства все более укрепляло убеждение Кремля в том, что Троцкий и его друзья за границей создали организацию, направленную против Сталина». Эта организация, отмечалось в статье, сформировала в СССР центр, вокруг которого сгруппировались все антисталинские элементы.

Дюранти не разделял распространенную на Западе точку зрения, что «Сталин и его соратники использовали “инцидент” (убийство Кирова. — *Р.И.*) для того, чтобы избавиться от политических оппонентов».

Аналогичной была точка зрения английского автора фундаментальной биографии Сталина: «Иностранные журналисты и даже некоторые британские юристы заявляли, что они верят в существование троцкистского заговора»¹⁵.

23 августа 1939 г. был подписан советско-германский пакт, коренным образом изменивший всю ситуацию в Европе, если не во всем мире. 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война.

Сталин, как об этом будет сказано ниже, сыграл большую, если не решающую роль в коренном изменении советской внешнеполитической ориентации в канун войны. И естественно, что столь важные события вызвали новое усиление интереса к его личности в зарубежных странах.

После подписания советско-германского пакта резко изменилась тональность пропаганды в Советском Союзе, в Германии и ее странах-сателлитах. Со страниц советской печати исчезли критические материалы в адрес фашистской Германии, соответствующим образом изменился репертуар в кино и в театрах. Во многом аналогичная ситуация была и в германских средствах массовой информации. Примеру Германии последовали и ее страны-сателлиты.

Пожалуй, только Ватикан остался на прежних позициях в оценке Сталина. Под заголовком «Гнусное выступление газеты Ватикана» ТАСС заявлял: «Париж, 24 декабря 1939 г. Агентство Гавас передало следующее сообщение из Ватикана: “Манифестации по поводу шестидесятилетней годовщины Сталина предоставили газете “Обсерваторе романо” случай выступить снова против намерений Кремля по отношению к Европе. Газета описывает этапы политической карьеры Сталина и его моральный портрет, подчеркивая его жестокость, цинизм и отсутствие добросовестности”»^{16–17}.

Столь резко негативную характеристику Сталину давал и талантливый русский философ-эмигрант Н.А. Бердяев. Он был в числе выдающихся деятелей российской науки и культуры, которые по приказу Ленина были высланы в 1922 г. за границу. Казалось бы, Бердяев должен был сохранить негативное отношение к Ленину, и тем не менее он писал в 1937 г., что Ленин не был диктатором, а Сталин — «вождь-диктатор в современном, фашистском смысле»¹⁸.

В сообщении из Ватикана резко критиковался советский экспансионизм: «В руках Сталина русская армия поставлена на службу лишь большевистской экспансии. Русская армия является... ядром “международной революционной армии”, о чем говорил Ворошилов на последнем съезде коммунистической партии».

Орган Ватикана иронически комментировал поздравительную телеграмму, посланную Гитлером «красному диктатору» в связи с 60-летием Сталина, и напоминал, что фюрер пожелал счастья Сталину и процветания русскому народу. «Обсерваторе романо» разъясняла, что процветание 180 миллионов русских находится в «обратном соотношении с личным счастьем того, кто отнял у своего народа свободу и лишил его всех духовных и материальных благ, и что личное счастье Сталина роковым образом связано с несчастьем Европы»¹⁹.

Столь прямолинейно антисоветская, антисталинская позиция штаб-квартиры католической церкви была не очень распространенным явлением в консервативных кругах Запада после подписания советско-германского пакта 1939 г.

Разумеется, и до и после подписания этого пакта оставалась без изменений резко антисталинистской позиция тех, кто, спасаясь от террора 30-х годов, не вернулся в Советский Союз из-за границы.

Активный участник Гражданской войны, дипломат и литератор Ф.Ф. Раскольников в 1938 г., в разгар террора против работников НКВД, находясь на дипломатической работе за границей, отказался возвратиться в СССР. Раскольников опубликовал на Западе 17 августа 1939 г., за несколько дней до подписания советско-гер-

манского пакта, Открытое письмо Сталину, в котором заявлял: «Вы подавляете растущее недовольство насилием и террором... С помощью грязных подлогов Вы инсценировали: судебные процессы, превосходящие вздорностью... средневековые процессы ведьм... Вы растлили и загадили души Ваших соратников. Вы заставили идущих с Вами с мукой и отвращением шагать по лужам крови вчерашних товарищей и друзей... Накануне войны... Вы обезглавили Красную Армию и Красный Флот... Вы заманили в Москву и уничтожили одного за другим почти всех советских полпредов». Раскольников выражал уверенность, что история воздаст Сталину по заслугам: «Бесконечен свиток Ваших жертв, нет возможности их перечислить. Рано или поздно советский народ посадит Вас на скамью подсудимых как предателя социализма и революции, главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов»²⁰.

Что касается фашистской и профашистской прессы, то после подписания советско-германского пакта ее тональность в отношении Советского Союза и лично Сталина претерпела самое серьезное изменение. Тон выступлений стал более сдержанным, а зачастую даже дружественным.

Типичной для того периода была позиция румынской печати. Выходившая в Румынии газета «Нойе цайтунг» от 7 ноября 1939 г. напечатала большую статью, озаглавленную «Сталин в личной жизни». В статье говорилось: «Сталин, когда он находится в Москве, живет, как известно, в Кремле. Кремль — это не здание, а ряд строений, окруженная каменной стеной крепость, в которой находится 50 домов, церквей, казарм и садов. Сталин живет здесь в трех комнатах. Но он не работает, как обычно полагают, в Кремле. Легенда, согласно которой Сталин, как заключенный, постоянно живет в Кремле, неверна. Большую часть своего времени он проводит в Центральном Комитете Партии».

Как и во всех аналогичных публикациях, автор, рассказывая о личной жизни Сталина, подробно описывал систему охраны советского вождя, подчеркивал личную скромность советского руководителя. «Сталин, — писала «Нойе цайтунг», — не устраивает никаких церемоний. Он не носит никакой формы и всегда одет в темно-зеленую куртку, брюки и сапоги. Хотя этот костюм нельзя рассматривать как форму, все же в России его копируют все высокие партийные работники, и особенно льстецы и приближенные красного властителя».

Газета уделяла большое внимание образу жизни Сталина, его привычкам, склонностям. В статье отмечалось, что он интенсивно работает обычно в течение недели, а потом отдыхает один или два

дня на своей даче. Сталин любит оперу и балет, а особенно фильмы, много читает, иногда играет в шахматы и постоянно курит трубку. В Москве говорят, что он отдает предпочтение английскому табаку, однако предпочитает в обществе не курить иностранный табак. Он курит даже во время обеда — между отдельными блюдами. Сталин любит также алкоголь, особенно коньяк.

Насколько можно судить по многочисленным, в том числе и мемуарным, работам, опубликованным в нашей стране в перестроечный и в постперестроечный период, все вышеприведенные газетой данные, касающиеся Сталина, достаточно объективны.

Значительно меньшую осведомленность автор статьи проявил, описывая семейную жизнь советского руководителя. «Воспоминания о его первой жене теряются во мраке дореволюционного периода, — говорилось в статье. — Она умерла в 1917 г. от воспаления легких. Говорят, что по национальности она была дочерью еврея Лазаря Моисеевича Кагановича. От этой первой жены у Сталина есть сын, который, однако, не оправдал надежд отца». В техническом вузе, отмечала газета, он был скверным учеником и проводил большую часть времени в обществе сына Менжинского, начальника ГПУ, пока Сталин, мало довольный такими занятиями, дал ему возможность исчезнуть на одной из фабрик Тифлиса.

В отношении второго брака Сталина газета проявила большую осведомленность: «В 1919 г. Сталин женился вторично, на этот раз на 17-летней дочери кузнеца, с которым он познакомился в 1919 г. в Ленинграде. С ней он имеет двоих детей — сына Василия — 17 лет и дочь Светлану — 13 лет».

Однако и эта часть статьи отнюдь не была достоверной: «8 ноября 1932 года при таинственных обстоятельствах умерла жена Сталина. В Москве рассказывают, будто она привыкла пробовать пищу Сталина и таким образом отравилась. В действительности же кажется, что она болела аппендицитом, по поводу которого не хотела беспокоить своего мужа, который обращался с ней несколько резко. Когда, наконец, стали беспокоиться о ее болезни, уже было поздно».

Разумеется, читателя интересовали не только бытовые подробности жизни Сталина. После заключения советско-германского пакта у фашистской Германии появился в лице Сталина новый и очень важный политический партнер. И публика хотела знать, каков его интеллектуальный, политический, дипломатический потенциал, какие неожиданности можно ожидать от этого человека.

И газета старалась ответить на эти вопросы. «Ум Сталина, — говорилось в статье, — тяжеловесен и медлителен. Он больше отличается основательностью, чем блеском и поворотливостью. Все же он сумел

вести продолжительную беседу с таким остроумным собеседником, как Уэллс. Стоит также отметить интервью, данное им в 1927 г. американской рабочей делегации». В последнем случае, отмечалось в статье, он в течение четырех часов отвечал на трудные и самые разнообразные вопросы. Сталин говорил экспромтом, с таким знанием материала, которое доступно только человеку, очень уверенному в себе. Изложение этого разговора, содержавшего свыше 11 800 слов, образует одну из наиболее ярких бесед, которые когда-либо имели место. «Такая беседа возможна только у человека из ряда вон выходящего. Когда американская делегация кончила свои вопросы, Сталин спросил, не может ли он задать вопросы об Америке. Он это делал в течение двух часов, касаясь наиболее актуальных проблем жизни США, и показал значительное знание положения Америки».

Во время шестичасовой беседы ни разу не раздались телефонные звонки и ни один секретарь не решался его прервать. «Это лучше всего, — отмечалось в статье, — показывает, как Сталин умеет концентрироваться на том, чем он занят.

Коммунизм для Сталина вера. Он верит в него, как папа в Иисуса Христа»²¹.

Я даю столь подробное изложение статьи из профашистской румынской газеты потому, что она была типична для фашистской пропаганды в период после заключения советско-германского пакта. Как видно из приведенного материала, тональность профашистской пропаганды в отношении Советского Союза и лично Сталина коренным образом изменилась.

Закономерен вопрос: рассматривается проблема «Сталин и союзники, 1941—1945 гг.», насколько правомерно в связи с этим рассмотрение оценок Сталина, исходивших из фашистских и профашистских кругов?

Мне представляется это не только правомерным, но и необходимым. В предвоенный период и в годы войны демократические страны тщательно изучали все, что было связано с деятельностью Сталина, не игнорируя при этом и источники из вражеского лагеря. И это была обоснованная позиция, так как только всестороннее, комплексное исследование всех материалов, касающихся личности Сталина, могло создать возможность для того, чтобы понять позицию, поступки, ход мыслей такой неординарной личности, как советский руководитель.

И в последующих главах, посвященных военному периоду, по мере необходимости также будут использованы оценки, которые давались Сталину не только из лагеря наших союзников, но и со стороны противников антигитлеровской коалиции.

Как видно из вышеприведенных данных, практически во всех материалах, посвященных Сталину, рассматривалась проблема массовых репрессий 30-х годов в СССР и роль Сталина в их проведении.

И это естественно. Широко известен факт, что революция пожирает своих детей. Но при Сталине это было уже не пожирание детей, а настоящее людоедство: были расстреляны и репрессированы миллионы людей, причем была уничтожена партийная гвардия — те, кто сделал революцию, одержал победу в Гражданской войне, заложил основы Советского государства.

Личная ответственность Сталина за массовые репрессии 30-х годов бесспорна, и естественно, что во всех оценках Сталина в зарубежных странах массовому террору в СССР и роли советского лидера в его организации и осуществлении уделялось первостепенное внимание.

О личной ответственности Сталина за массовый террор 30-х годов свидетельствует, в частности, тот факт, что 25 сентября 1936 г. Сталин и Жданов, находившиеся в Сочи, отправили в Политбюро телеграмму: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года»²².

Известно, что именно с приходом в НКВД ставленника Сталина Ежова начался массовый террор.

В 1937 г. Сталин от имени ЦК ВКП(б) дал указание органам НКВД применять меры физического воздействия к арестованным «врагам народа».

Известно, что жертвой сталинских репрессий стали многие тысячи руководящих деятелей НКВД, начиная с руководителей карательного аппарата Г.Г. Ягоды и Н.И. Ежова и кончая чиновниками более мелкого ранга.

Среди руководителей советских карательных органов Ягода занимал, пожалуй, особое место. Троцкий писал, что «какая-то тайна связывала Сталина с Ягодой...» Фармацевт по специальности, Ягода, по описанию Троцкого, специализировался на отравлении неудобных Сталину людей, которых по тем или иным причинам нельзя было устранить обычным способом. Ягода был арестован в апреле 1937 г. За обещание помилования он взял на себя на суде, писал Троцкий, личную ответственность за преступления Сталина. Обещание не было выполнено, Ягodu расстреляли, и Сталин избавился от очень информированного свидетеля своих преступлений^{23–24}.

Очевидно, Ягода был человек достаточно сильного характера. Когда Сталин в присутствии ряда своих соратников бросил обви-

нение Ягоде в том, что он не вел настоящей борьбы с троцкистами, присутствующие наперебой стали поддерживать обвинение генсека. Повернувшись к ним, Ягода сказал: «Как жаль, что я не арестовал всех вас, когда имел власть!»²⁵

Трагедию руководителей ОГПУ—НКВД, ставших жертвами массового террора, убедительно раскрывает старый чекист А. Орлов, который с сентября 1936 г. по 12 июля 1938 г. был советником республиканского правительства Испании по организации контрразведывательной деятельности и партизанской войны в тылу противника.

Орлов не вернулся из Испании в СССР, когда ему стало очевидно, что по возвращении на родину ему уготовлена судьба многих тысяч его коллег, уничтоженных по приказу Сталина.

А. Орлов рассказывал о событиях тех лет: «Опасаясь за свою репутацию в глазах мира, Сталин решил в 1937 г. уничтожить всех доверенных лиц, чтобы никто из них не смог выступить в будущем свидетелем обвинения». Действительно, весной 1937 г. были расстреляны без суда и следствия почти все руководители НКВД и все следователи, которые по прямому указанию Сталина вырывали «признания» у основателей большевистской партии и вождей Октябрьской революции. За ними последовали в небытие тысячи энкаведистов — те, кто по своему положению в НКВД «могли в той или иной степени располагать секретной информацией о сталинских преступлениях»²⁶. Как писал Рой Медведев, «тираны не любят свидетелей своих преступлений»²⁷.

Интерес на Западе к проблеме массовых репрессий в СССР был тем более жгучим, что ничего подобного в мировой истории нигде и никогда не было. Борьба за власть в любой стране, в любую историческую эпоху всегда была в той или иной мере связана с криминалом, в этой борьбе нередко не щадили ни товарищей по общему делу, ни друзей, ни родных, ни близких. Однако столь массового уничтожения соратников по партии, тех, кто честно боролся за общее дело и сделал так много для успехов этого дела, действительно, никогда еще не было в мировой истории.

Большой интерес в зарубежных странах к страшному террору в Советском Союзе в 30-х годах объяснялся не только тем, что это было уникальное в истории человечества явление. Надо учитывать и время, в которое был развязан этот террор. Стремительно приближалась мировая война, а в СССР, против которого формировалась сильная коалиция враждебных государств, был запущен мощный маховик репрессий, в которых, как будет показано ниже, погибли десятки тысяч генералов и офицеров, лучшие из лучших командных кадров Советских Вооруженных Сил.

Эти массовые репрессии обескровили вооруженные силы страны, что давало основание зарубежным аналитикам, наряду с другими факторами, считать Советский Союз колоссом на глиняных ногах.

Перед потенциальными противниками и союзниками СССР закономерно вставал вопрос: что происходит в Советском Союзе? В чем причина этих чудовищных репрессий? Почему всемогущий Сталин не только не остановит террор, но и инспирирует его?

Вопросы были сложнейшие. И естественно, что ответы на них были далеко не однозначны.

Вопрос о репрессиях в СССР и соответствующей позиции Сталина поднимался и в далеких Соединенных Штатах, где были достаточно сильны изоляционистские настроения и значительная часть общественности старалась держаться в стороне от назревавшего в Европе военного взрыва.

В статье, посвященной Советскому Союзу и опубликованной в «Нью-Йорк уорлд телеграмм» 30 марта 1939 г., говорилось: «Сталин в своей речи на XVIII съезде ВКП(б) признал, что последние кровавые чистки, которым вообще приписывается дезорганизация Красной Армии, сопровождались “серьезными ошибками”. Трудно сказать, сколько потребуется времени, чтобы исправить эти ошибки».

Автор статьи Рой Говард ставил вопрос о том, почему в СССР нет негативной реакции на массовый политический террор. И отвечал на него: «При оценке мнения русских нужно резко отличать мнение политической и военной иерархии от того, что думают широкие массы России, которым Сталин навязал свою власть. Картина такова, что в стране нет ни личной свободы, ни демократии, ни внимания к индивидуальным правам».

Автор подчеркивал, что даже в обстановке массового политического террора Сталин чувствует себя очень уверенно. «Его, — говорилось в статье, — явно мало беспокоит недовольство среди подчиненной ему бюрократии. Всякие сомнения, опасения или недовольство наблюдаются только среди членов политической и военной иерархии. Но так как такие сомнения или недовольство рассматриваются как государственная измена или как контрреволюционная деятельность, то открыто выразить мысли в такой форме, которая преследуется НКВД, — это все равно, что вступить в клуб самоубийц. Поскольку иностранцы никогда не слышали критики правительства, факты, показывающие, что критика существует, редко появляются, разве только в форме ликвидации. Такие ликвидации происходят путем расстрелов, сообщений о снятии с постов или чаще всего исчезновений без всякого сообщения о снятии с поста. Отчеты о публичных процессах даются, но только самой незначительной ча-

сти тех, которые исчезают. Семья и друзья исчезнувшего лица редко уведомляются. Наводить справки является признаком неблагонадежного настроения или даже еще хуже».

Рой Говард высказывал недоумение, почему репрессирование миллионов людей не вызывает в СССР массовых протестов: «Удивительно то, что такие ликвидации не вызывают особенного внимания и интереса масс»²⁸.

Протесты были, но информация о них не публиковалась и журналисты, тем более иностранные, о них мало что знали.

Например, после убийства Кирова начались массовые репрессии. Ученый с мировым именем, физиолог, академик И.П. Павлов писал в те дни Молотову: «Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия». С протестом против репрессий выступал академик П.Л. Капица²⁹. Старый большевик А. Сольц, которого называли «совестью партии», выступил в защиту репрессированного революционного и военного деятеля В.А. Трифонова (отца известного советского писателя Ю. Трифонова), заявив, что считает его невиновным. Вышинский в ответ ему сказал: «Если органы взяли, значит, враг!» Сольц, побагровев, закричал: «Врешь! Я знаю Трифонова тридцать лет как настоящего большевика, а тебя знаю как меньшевика»³⁰.

За ходом репрессий в СССР и сменой руководства в советском карательном аппарате внимательно следили в Германии. 12 февраля 1939 г. газета «Франкфуртер цайтунг» опубликовала статью, в которой говорилось о том, что «Берия (сменивший Ежова на посту руководителя НКВД. — *Р.И.*) постепенно заменяет всех сотрудников Ежова своими доверенными людьми». Приводились многочисленные факты о смене руководителей спецслужб в Ленинграде, на Украине — по всей стране.

Газета писала о Берии: «Образованный человек — он типичный интеллигент. Берия хочет придать ГПУ цивилизованную окраску... В противовес своему предшественнику Ежову Берия является гибким тактиком, понимающим внутри- и внешнеполитическое значение, которое придается его мероприятиям. Это ничего не изменит в том, что и он видит свою задачу в том, чтобы уничтожить так называемых “внутренних врагов”»³¹.

Общественность зарубежных стран привыкла к тому, что в то время любой крупный государственный деятель в СССР, снятый со своего поста, как правило, всегда репрессировался. В канун резкого поворота советской внешней политики в сторону сближения с Германией был снят со своего поста народный комиссар иностранных дел М.М. Литвинов. Его отставке предшествовала кровавая чистка

в Наркоминделе, в результате которой было уничтожено множество ответственных работников внешнеполитического ведомства СССР, в том числе советские послы в крупных странах Европы и Америки.

В этой обстановке европейская пресса сразу же поспешила сообщить о расстреле Литвинова. В сообщении ТАСС говорилось: «Брюссель, 10 сентября 1939 г. Газета “Пти паризьен” 9 сентября поместила сообщение агентства Фурнье из Лондона, согласно которому в Москве арестован Литвинов. Агентство высказывало предположение, что он уже расстрелян»³².

В рассматриваемый период еще был жив Троцкий. И, конечно, мнение такого эксперта по Советскому Союзу, как личный враг Сталина № 1, представляло для Запада особый интерес.

12 сентября 1939 г. газета «Нью-Йорк геральд трибюн» опубликовала большую статью, в которой детально рассматривались взгляды Троцкого на столь неожиданный для многих поворот Советского Союза в сторону сближения с Германией и роль Сталина в этом процессе. Троцкий считал, что «Сталин заключил пакт (с Германией. — Р.И.) потому, что он боится и Гитлера, и восстания внутри Красной Армии. Причины страха Сталина перед своей армией заключаются в том, что он обезглавил ее, казнив многих командиров»³³.

Троцкий был для Сталина, действительно, врагом № 1. Об этом свидетельствовало и то, что на всех процессах над главными «врагами народа» их обвиняли в том, что они являются наймитами Троцкого. «Враг № 1» со свойственным ему публицистическим талантом и даже сарказмом вопрошал: «Но если мои наймиты занимали все ключевые посты в аппарате, почему Сталин сидит в Кремле, а я в ссылке?»

Сталин был взбешен этой публикацией и устроил жесточайшую выволочку Ежову, обвинив его в «кретинизме» при фабрикации политических процессов. Очевидно, топорная работа главного мастера заплечных дел во фабрикации процессов против «врагов народа» была одной из причин того, что скоро и Ежов будет пущен в расход³⁴.

Еще в 1931 г. в письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» Сталин писал: «Нельзя допускать литературную дискуссию с троцкистскими контрабандистами»³⁵. Запретить дискуссию с Троцким Сталин мог. Заставить замолчать своего главного оппонента он пока был не в силах.

Для США было характерно больше, чем для любой другой страны, запрашивать мнение о событиях в СССР у бывших российских и советских деятелей. Причем американская пресса интересовалась мнением не только таких «китов», как А. Керенский, Л. Троцкий,

но и деятелей несравненно меньшего масштаба, например, сбежавшего на Запад советского разведчика В. Кривицкого и других советских невозвращенцев.

24 сентября 1939 г. газета «Нью-Йорк таймс» напечатала большую статью Льюиса Старка, в которой подробно излагались показания бывшего директора нью-йоркского отделения советского общества Красного Креста Д.Х. Дубровского перед комиссией Дайеса. Эта комиссия занималась расследованием иностранной деятельности в США.

Дубровский заявил, что он участвовал в революции 1905 г. в России. После революции 1917 г. он в течение 7—8 лет был директором советского Красного Креста. Впоследствии Дубровский вышел из коммунистической партии, «а в 1935 г. прекратил всякие сношения с советским правительством в связи с оргией казней, последовавшей за убийством Кирова».

При допросе Дубровского был затронут вопрос о внутреннем положении СССР и, в частности, о судьбе Бухарина, Енукидзе, Каменева и др. «Один из членов комиссии спросил Дубровского, были ли они все расстреляны Сталиным, Дубровский на это ответил: «Да, все они были расстреляны этим человеком».

В заключение своих показаний Дубровский заявил: «Сегодня сталинизм в действительности не отличается от гитлеризма. Обманутый верой в то, что я служил прогрессу и идеальным целям, я помог создать чудовище. Поэтому я считаю своей прямой обязанностью перед принявшей меня страной и перед всем миром разоблачить проделки сталинской машины и сделать все, что только будет в моих силах, для разрушения ее»³⁶.

Американская практика публиковать критические в адрес СССР и Сталина материалы в изложении старых членов партии, порвавших с его режимом, в значительной мере себя оправдывала. Логику рядового читателя легко было понять: если давние соратники Сталина разочаровались в нем и выступают с резкой критикой установленных им порядков, то таким людям надо верить.

В Европе и Америке высказывали самые различные предположения о том, что явилось непосредственной причиной массовых репрессий в Советском Союзе. Столь большое число версий трагических событий, происходивших в СССР, свидетельствовало и о закрытости советского общества, и о том, что разведывательные службы зарубежных стран не смогли взломать советскую систему охраны государственных тайн.

Определенный интерес, на мой взгляд, представляет информация французского журналиста Поля Дюбоше о «заговоре Тухачевского».

В сообщении ТАСС из Парижа от 8 ноября 1939 г. говорилось о том, что агентство Гавас передало днем ранее статью женеvского корреспондента газеты «Пти паризьен» Поля Дюбоше.

В статье отмечалось, что «Гитлер хотел, чтобы кремлевский диктатор был отстранен». В качестве орудия осуществления своего замысла фюрер избрал маршала Тухачевского. Он «внушил маршалу... чтобы тот свергнул советский режим и установил чисто военное правительство. Ему было отвечено, что подобная революция погрузила бы страну в анархию и вызвала... сепаратизм в союзных республиках. Но фюрер обещал помощь германской армии, будучи заинтересованным в существовании великой и неделимой России».

Дюбоше писал, что эти обещания убедили Тухачевского, и он, для того чтобы завоевать коммунистические массы, хотел поставить во главе движения военных маршала Ворошилова, который из хитрости принял предложение, а затем выдал заговорщиков Сталину. «В результате этого произошла кровавая чистка 1937 г. Под впечатлением этих суровых репрессий Гитлер склонился перед личностью Сталина, приняв его сотрудничество».

В заключение Дюбоше писал: «Это точные сведения, исходящие из достоверных источников. Они рассеивают тайну вокруг причин массовых убийств, которые обезглавили Красную Армию, и объясняют причину особенного фавора, которым пользуется (у Сталина. — *Р.И.*) Ворошилов»³⁷.

На мой взгляд, версия Поля Дюбоше малоубедительная и даже наивная. Возникает целый ряд вопросов: почему Гитлер избрал исполнителем своего плана маршала Тухачевского, а не кого-либо другого? Каким образом фюрер вышел именно на этого советского военачальника? С каких пор и по каким причинам Гитлер стал сторонником «великой и неделимой России»?

И наконец, если все было так, как писал Дюбоше, то очень сомнительна реакция Сталина на информацию Ворошилова о заговоре в армии. Сталин был болезненно подозрительным человеком, и, получив такую информацию от Ворошилова, он не только не вспылал бы к нему любовью, а наверняка задался вопросом: а почему именно к Ворошилову, а не к кому-либо другому обратился Тухачевский со своим предложением? Не свидетельствует ли это о том, что участники заговора видели в лице Ворошилова своего соучастника? Не лучше ли в порядке профилактики уничтожить и Ворошилова?

Во всяком случае, мне представляется, что версия, сформулированная Полем Дюбоше, вряд ли выдерживает критику.

Английский историк О. Кean видел в репрессиях Сталина своеобразную профилактику. По его мнению, Сталин осуществлял репрессии, «чтобы предотвратить предательство»³⁸.

Иное объяснение причин репрессий в СССР давал в ноябрьском номере за 1939 г. английский журнал «Фортнайтли», опубликовавший большую статью «Новая политика Сталина».

В статье говорилось, что Сталин добился успехов в создании громадной промышленности, мощной армии и современных военно-воздушных сил, выполнив таким образом в значительной мере те задачи, которые он себе поставил.

Это потребовало больших жертв со стороны народа. «В различных кругах выражали недовольство. Это создавало неудобства. Необходимо было найти козла отпущения. Тогда было обнаружено, что все отрасли промышленности и государственного управления кишели “врагами народа”, “вредителями” и “троцкистами”. Для них было создано царство террора, которое достигло кульминационного пункта в 1937 г.» Автор отмечал: «У всех еще в памяти те странные процессы, где каждый обвиняемый признавался в своей вине согласно пожеланиям прокурора».

Сталин считал, что он, и только он один, должен остаться во главе партии и государства, и одновременно с козлами отпущения за неудачи его предприятий он «ликвидировал» всю «старую большевистскую гвардию», а также и военных лидеров, которых он подзревал в том, что они являются его противниками или потенциальными соперниками.

Автор отмечал, что новая Конституция 1936 г. и создание Верховного Совета не демократия, а фикция. Верховный Совет оказался всего лишь «палатой восхвалений и одобрений», подобно рейхстагу в Берлине. «Он ни в коей мере не уменьшил роли Сталина как центра всей власти. Однако любопытно, что большинство членов подготовительной комиссии (по созданию Верховного Совета. — *Р.И.*) вскоре оказались среди тех, кто похоронен с пулями в затылках».

Как практический политик, говорилось в статье, Сталин понял, что издержки, связанные с выполнением его пятилетнего плана, могли бы привести к всеобщему недовольству³⁹. Позиция автора сводилась к тому, что Сталин действовал на опережение: массовыми репрессиями он стремился запугать широкие народные массы и предотвратить их выступления против больших жертв, которые были необходимы для создания мощной промышленности, для коллективизации сельского хозяйства, для строительства огромных и оснащенных первоклассной техникой вооруженных сил.

Очевидно, в этих рассуждениях имелось рациональное зерно. Действительно, репрессии против ленинской партийной гвардии можно было объяснить тем, что отнюдь не всё в области партийного строительства, внутренней и внешней политики Сталина поддерживалось теми членами партии, кто прошел ленинскую школу. А Сталин в силу своего характера, может быть, даже особенностей своей психики, не терпел возражений. Одна из негативных черт его характера заключалась в том, что он был очень самоуверенным человеком и считал себя правым всегда и во всем. И не случайно, что всевозможные партийные дискуссии, которые были столь популярны при Ленине, полностью исчезли при Сталине.

О патологической самоуверенности Сталина писали многие из тех, кто с ним работал. Константин Симонов подчеркивал, что лица, близко знавшие Сталина, отмечали, что он очень трудно расставался со своими идеями, если даже объективные обстоятельства доказали их ошибочность⁴⁰.

В частности, у Сталина была идея-фикс, что Гитлер не нападет на СССР, пока не покончит с Англией. Самые убедительные факты указывали на порочность этой идеи, но Сталин стоял на своем. И за это упрямство стране пришлось заплатить страшную цену.

Главное, конечно, было не в личных качествах Сталина в особенностях его характера. Ленин имел огромный и полностью заслуженный авторитет в партии и государстве, он, помимо этого, обладал колоссальным интеллектом, огромной силой убеждения. Силе убеждения Ленина Сталин мог противопоставить только силу принуждения.

Вот почему Ленин не боялся открытых дискуссий в партии и в народе, терпимо относился к критике. Положение Сталина в партии и его позиции в народе не шли ни в какое сравнение с тем, чем обладал Ленин. И Сталин пытался компенсировать свои минусы по сравнению с Лениным использованием силы. Самое мощное оружие партии и государства — диктатуру пролетариата — он использовал для того, чтобы открыть огонь по своим. Этому история ему никогда не простит.

Сталин был глубоко убежден в правильности и необходимости своего репрессивного курса. На вопрос леди Астор, как долго будут продолжаться в СССР расстрелы, он ответил: «Пока в этом есть необходимость»⁴¹.

Можно было понять, но ни в коем случае не оправдать массовые репрессии против партийной элиты, против тех, кто не мог и не хотел мириться с методами руководства Сталина.

Можно понять, и какими соображениями руководствовался Сталин, устроив дикую, кровавую чистку командного состава вооруженных сил. Сыграла свою роль широко известная подозрительность Сталина. И когда он получил через президента Чехословакии Бенеша, как об этом пишут многие авторы, подброшенные чехословакам немецкими спецслужбами прекрасно подготовленные фальсифицированные документы о «заговоре» маршала Тухачевского против Сталина, этого оказалось достаточно для того, чтобы начать массовые репрессии против комсостава армии и флота.

По-моему, дело даже не в «заговоре Тухачевского». Вооруженные силы в любой стране — это часть общества, и они всегда сопереживают с народом те проблемы, с которыми сталкивается это общество.

Оснований для недовольства в Советском Союзе было более чем достаточно. Но Сталина вряд ли серьезно беспокоила реакция широких народных масс на те жертвы, которые им приходилось приносить на алтарь строительства нового общества. Массы были безоружны, неорганизованны с точки зрения подготовки массовых выступлений протеста. В стране была мощная, высококвалифицированная, с огромным опытом практической работы карательная система. Любые попытки массовых выступлений протеста были бы быстро и решительно подавлены.

Совсем иное дело — армия, вооруженные силы. Они имеют и оружие, и организацию. Если командный состав недоволен режимом, ненадежен, то может произойти катастрофа — вооруженное выступление против личной диктатуры Сталина. В порядке профилактики необходима была чистка командного состава и именно не увольнение его, а физическое уничтожение. Новый командный состав получит свои должности от режима Сталина, и он будет служить ему верой и правдой. Правда, этот новый комсостав не был обстрелян в империалистическую и Гражданскую войну, не прошел всех необходимых командных ступеней. Нередко после репрессий полками командовали старшие лейтенанты и капитаны, а дивизиями — майоры. Но ставка делалась на то, что, когда начнется война, они «подрастут», наберутся боевого опыта. Другой вопрос, сколько придется, и действительно пришлось, пролить крови для того, чтобы приобрести такой опыт и в финскую войну, и особенно в Великую Отечественную.

Не случайно, что массовое уничтожение высшего комсостава вооруженных сил страны совпало по времени с переориентацией внешнеполитического курса Сталина на установление дружественных отношений с Германией.

В. Кривицкий, не понаслышке знавший все нюансы внешней политики Сталина, писал: «Он (Сталин. — *Р.И.*) вовсе не был уверен, что теперь, столкнувшись с резкой переменой его внешнеполитического курса, они (руководители вооруженных сил. — *Р.И.*) будут по-прежнему признавать его полновластие»⁴².

А. Антонов-Овсеенко, отец которого В.А. Антонов-Овсеенко, один из организаторов Красной Армии, пал жертвой сталинского террора в 1939 г., писал: «Он (Сталин. — *Р.И.*) опасался командования Красной Армии как потенциальной силы возможного мятежа. Свирепость и трусость довольно часто уживаются в одном человеке. Трусость Сталина, помноженная на подозрительность, давно подсказала ему решение»⁴³.

Таким образом, очевидно, можно подвести какую-то логическую базу и под массовый террор в вооруженных силах. С точки зрения личных интересов Сталина можно найти причины, объясняющие это страшное явление.

Однако террор был направлен не только против партийной элиты и комсостава вооруженных сил.

Чем можно объяснить это явление?

Мне представляется, что цитированный выше журнал «Фортнайтли» наиболее близко подошел к объяснению причин массовых репрессий против простых рабочих и крестьян. Светлое коммунистическое будущее было, конечно, блестящей перспективой, но платить за нее надо было немедленно и очень дорогую цену. А уровень сознательности широких народных масс был не настолько безграничен, чтобы большинство населения сознательно шло на исключительно тяжелые жертвы, которые необходимо было принести во имя этого «светлого будущего» и для решения текущих конкретных экономических и военных проблем.

Сталин прекрасно понимал сложнейшую ситуацию, которая возникла в стране. Война приближалась стремительными темпами. И никто, никогда, ни в одной стране, ни в одну историческую эпоху не мог успешно воевать без сильных союзников. Для Страны Советов это была особенно сложная проблема, аналогичной которой не было еще за всю историю человечества.

Великих революций в истории было немало. Достаточно указать на Великую французскую революцию 1789—1794 гг., а еще ранее, в 1775—1783 гг., — на Великую американскую революцию — Войну Северной Америки за независимость. Однако все эти Великие революции были однотипные. В их результате одна форма частной собственности сменяла другую.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России, в адрес которой сегодня слышится столько проклятий и со стороны

отечественных историков, бросила вызов всему миру. Это была качественно новая революция, провозгласившая беспощадную войну частной собственности на орудия и средства производства, на землю для сельскохозяйственного производства.

Такой стране, принципиально отличающейся от всего мира, было очень трудно найти внешнеполитических союзников. Было соглашение с Францией о взаимопомощи, подписанное 2 мая 1935 года, аналогичное соглашение с Чехословакией, заключенное 16 мая того же года. Но, как показали не столь уж отдаленные события, эти соглашения оказались не работоспособными и не жизнедеятельными.

Советская дипломатия явно не справлялась с непосильной задачей создания эффективного военно-политического союза стран, имевших антагонистические общественно-политические системы. И в самый напряженный момент, когда уже на дипломатическом горизонте четко обозначились контуры приближавшейся мировой войны, когда становилась реальной угрозой создания против СССР мощного блока империалистических стран, советской дипломатии был устроен кровавый погром, не уступавший по своим масштабам и последствиям колоссальной чистке командного состава Советских Вооруженных Сил.

Разгром дипломатических кадров еще больше усугубил тяжелое внешнеполитическое положение СССР.

Дипломатическая подготовка к войне имеет важное, но не решающее значение. Основное — это экономика, на которой базируются вооруженные силы, так было всегда, во все исторические эпохи. Но особую важность экономика приобретала в канун новой мировой войны, которой предстояло стать войной моторов.

Сталин, в руках которого была сосредоточена вся власть в стране, оказался в чрезвычайно сложном положении. Правильно все вышесказанное о колоссальных жертвах, которые вынужден был приносить народ для создания современной промышленности, механизированного коллективного сельского хозяйства, многомиллионной армии, оснащенной первоклассной военной техникой. Социально-политические и морально-психологические последствия этих жертв были очень велики.

Однако бесспорно было и другое. Если бы не была создана новая индустриальная база на востоке страны, выиграть войну не помог бы никакой героизм армии и народа.

Коллективизация сельского хозяйства в СССР — одна из самых мрачных страниц советской истории. Миллионы крестьянских хозяйств были раскулачены, крестьяне-труженики высланы в отдаленные районы страны, а многие арестованы и расстреляны.

Однако без коллективизации сельского хозяйства, несмотря на все ее экономические и социально-политические издержки, тоже вряд ли можно было выиграть войну. Без колхозов и совхозов нельзя было бы в войну прокормить, пусть даже на самом ограниченном рационе, рабочий класс и вооруженные силы.

Если бы страна встретила войну с морем единоличных крестьянских хозяйств, кто и как получал бы у этих единоличников хлеб и другие сельскохозяйственные продукты? Не повторился бы опыт Гражданской войны с продразверстками, продотрядами, с многочисленными крестьянскими восстаниями? Достаточно вспомнить хотя бы антоновщину, массовое крестьянское восстание на Тамбовщине под руководством эсера А. С. Антонова. Именно здесь «прославился» своими сверхжестокими акциями по подавлению восставших будущий маршал Тухачевский. Здесь же, пусть не в таком большом воинском чине, но воевал и главный герой Великой Отечественной Г.К. Жуков.

Не столь уж длительный срок, всего 20 лет, разделяли две самые тяжелые войны в истории нашей Родины — Гражданскую и Великую Отечественную. В канун Отечественной была еще очень жива память о Гражданской войне, когда не хватало артиллерийских орудий, пулеметов, снарядов, патронов, винтовок, когда нередко боец ждал, когда убьют его товарища, чтобы получить винтовку. Красная Армия в годы Гражданской войны воевала зачастую босая, в изорванном обмундировании, полуголодная, бойцов косили страшные эпидемии тифа.

Для того чтобы все это не повторилось во время новых надвигавшихся военных потрясений, необходимо было идти на все перечисленные выше экономические, материальные, социальные жертвы.

У Сталина была вся власть, но на нем лежала и вся ответственность за судьбу страны. Ошибок, просчетов, зачастую и самых серьезных, было, к сожалению, немало. Но в целом стратегический курс страны в военном и экономическом строительстве был правильным. И в основном этот курс был успешно выполнен.

Другой, конечно, вопрос — какой ценой? В ходе коллективизации были репрессированы миллионы крестьян. В период террора 30-х годов были расстреляны и брошены в лагеря миллионы людей. У них были родные и близкие, которым после начала Великой Отечественной войны надо было дать оружие. Как будут воевать эти люди? Можно ли на них положиться? Не предпочтут ли они плен борьбе за режим, восторгаться которым у них не было никаких оснований?

Все эти вопросы, очевидно, были настоящей головной болью для Сталина. И не без оснований. Коллаборационизм, как известно, в Советском Союзе в годы войны имел место, и в очень большом масштабе. Следует признать, что такого явления, как РАО, Русская освободительная армия во главе с генералом А.А. Власовым, сдавшимся в плен и выступившим против Советских Вооруженных Сил, не было ни в одной воюющей стране. Однако было и массовое, подлинно всенародное партизанское движение в тылу врага, аналогичного которому не было в истории войн, невиданный героизм солдат и офицеров Советских Вооруженных Сил, самоотверженный труд десятков миллионов людей в тылу.

Сегодня немало отечественных историков, которые критически воспринимают Великую Отечественную войну. Свобода печати, плюрализм, конечно, хорошее дело. Но следует ли публиковать в нашей стране «труды» такого автора, как В. Резун, сбежавшего на Запад советского разведчика, который кощунственно взял себе псевдоним Суворов?

Отечественные авторы, критически воспринимающие историю Великой Отечественной войны, немало пишут о заградительных отрядах в Советских Вооруженных Силах, о карательной деятельности контрразведки, знаменитого Смерша (смерть шпионам), который больше работал не против вражеской разведки, а бдительно следил за благонадежностью советских военнослужащих и жестоко карал тех, кто не отвечал их критериям благонадежности.

К сожалению, все это действительно имело место в годы войны. И бесспорно, что система репрессий в вооруженных силах была напрямую связана с массовым террором в предвоенный период. Руководство страны и лично Сталин считали, что необходимы жесткие «профилактические» меры, чтобы предотвратить нежелательные и очень опасные последствия репрессивных мер, проводившихся в 30-е годы.

Но бесспорно и другое — нельзя было за спиной каждого солдата и офицера поставить надзирателя из числа работников НКВД. В страшные годы войны подавляющее число военнослужащих честно и героически выполняли свой воинский долг. Героизм действительно имел массовый характер. Это была в подлинном смысле слова *Отечественная, Народная* война. Возник очень своеобразный сплав тоталитаризма наверху общества и массового патриотизма внизу, в широких народных массах. Ничего подобного не знал опыт истории.

И когда на Западе писали о массовых репрессиях в СССР в канун войны и постоянно возвращались к этому вопросу уже в ходе войны, то изложенные выше проблемы, объясняющие причины

этих репрессий, реакцию на них в широких народных массах Советского Союза, — всего этого практически не было в комментариях европейских и американских средств массовой информации.

Помимо того, о чем говорилось выше, пропаганда Запада, комментируя в канун войны репрессии в СССР, обращала внимание и на ряд других аспектов этих событий, помимо тех, о которых говорилось в начале главы.

25 апреля 1940 г. заведующий отделением ТАСС в Венгрии А. Лисин сообщал ответственному руководителю ТАСС Я. Хавинсону: «Все интересуются позицией СССР. Говорят так: “Политика Сталина самая умная в Европе политика” — и даже не пускают никаких антисоветских шпилек, как это было, например, в Хельсинки в прошлом году. Утверждают, что СССР возьмет Тромсе у Норвегии, что русские будут в Стокгольме и пр. Очень интересуются бесарабским вопросом и недавно только и говорили о концентрации наших войск на границе, начиная с бывшей польской территории до Черного моря»⁴⁴.

Ссылка заведующего отделением ТАСС в Венгрии на «шпильки», которые пускали в Финляндии против Советского Союза и Сталина, показательна. Советско-финская война 1939—1940 гг. наложила резко негативный отпечаток на отношения между двумя странами. Финляндия готовилась к новой войне с СССР, на ее территории шла концентрация немецких войск, сосредотачивавшихся для нападения на Советский Союз. Руководство Финляндии, разумеется, знало о предстоящем нападении на нашу страну, что накладывало свой антисоветский отпечаток на позицию финской прессы.

Антисоветские выпады в Финляндии были обычным явлением, что находило соответствующее отражение в работе советских информационных служб.

16 марта 1941 г. в адрес Сталина, Молотова и Вышинского ушла из ТАСС от Я. Хавинсона, следующая информация: «Направляю Вам для сведения материал “Антисоветское выступление финляндской газеты “Аян Суунта”. В информации говорилось: «Хельсинки, 15 мая (ТАСС). В связи с юбилеем Таннера газета “Аян Суунта” в номере от 13 марта опубликовала фельетон Маури. В своем пасквиле Маури пишет, что теория марксизма признает только “народное самодержавие” и “отрицает роль личности”. Однако, продолжает он, в отдельных случаях поднимаются отдельные индивидуумы, и тогда “начинают восхвалять горячо любимого товарища”, который заменяет “трудящимся солнце”».

Свое согласие на участие в праздновании юбилея Таннера, говорилось в сообщении, Маури мотивирует тем, что для него без-

различно, кого чествовать, но только не коммунизм и не СССР. Он пишет: «От коленопреклонения перед бородатым иностранцем поневоле устаешь, а от рассматривания грузинских усов уже два года бросает в холод»⁴⁵.

В антисоветских, антисталинских публикациях финской прессы нередко поднималась и проблема личной ответственности Сталина за репрессии.

Комментируя массовые аресты и расстрелы в Советском Союзе, на Западе отмечали, что они являются свидетельством социального перерождения советского государства.

1 января 1940 г. итальянский журнал «Джераркия» поместил статью «Приближение России к фашистской концепции». В статье говорилось: «Тот факт, что крайнее крыло партии — старая гвардия, абсолютные большевики: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Раковский, Радек, т.е. все те, кто сделал революцию, были насильственным образом удалены с политической сцены, является лучшим доказательством того, что большевизм не только не развился до конца, но подвергся коренным изменениям».

В статье отмечалось, что в Советском Союзе все больший уклон делается в сторону пропаганды патриотизма, культа Отечества. «Отечество! Что может означать это возрождение самого высокого человеческого чувства, если не банкротство коммунистического интернационализма? Сейчас перед нашими взорами выковывается и растет новая Россия. Итак, большевизм, родившийся в крови войны и революции, проделав длительный исторический путь в заколдованном кругу, кончит сближением с итальянским фашизмом для достижения будущей мирной, надежной жизни»⁴⁶.

О терроре в СССР как средстве решения социально-экономических и общественно-политических проблем в Европе и Америке вновь активно заговорили после загадочной смерти в США бывшего советского разведчика В. Кривицкого.

Газета «Жур-эко де Пари» 23 февраля 1941 г. поместила на первой странице заметку под заголовком «Охота за человеком. Поражительная смерть генерала Кривицкого...» В заметке делался вывод: «Не сомневаются в том, что бывший начальник Красной Армии, ставший непримиримым врагом Сталина, пал жертвой агента III Интернационала»⁴⁷.

Мнение и в Европе и в Америке было единодушно — Кривицкий был ликвидирован советскими спецслужбами. И это мнение было оправданным. Последние публикации бывших сотрудников советских спецслужб, в частности генерала П.А. Судоплатова, убедительно свидетельствуют, что советских невозвращенцев, особен-

но работников разведки, за границей, как правило, ожидала смерть. Для физического уничтожения за границей невозвращенцев всех ведомств в структуре НКВД был создан специальный отдел. Сотрудники этого отдела выследили и ликвидировали Игнатия Рейса, Вальтера Юривицкого, бывшего резидента ОГПУ Агабекова⁴⁸.

Внутренние карательные органы существуют в странах с самыми различными режимами, и задачи у них всегда идентичные — всемерно бороться за сохранение у власти того режима, который они обслуживают. Но никогда, даже в восточных деспотиях, эти органы не имели такого могущества и не осуществляли столь свирепого и массового террора, как в Советском Союзе.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что и общественность, и правящие круги в странах, которые позднее стали союзниками СССР по антигитлеровской коалиции, были хорошо информированы о роли карательных органов в жизни нашей страны. И это оказало свое значительное воздействие на последующие отношения между СССР и его партнерами по антигитлеровской коалиции, между Сталиным и другими лидерами коалиции.

Вот почему автор уделил столь большое внимание реакции в Европе и в Америке на массовые репрессии в Советском Союзе.

Как видно из приведенных фактов, эта проблема освещалась за рубежом далеко не однозначно. Зависел этот разнобой в оценках от надежности источника, которым пользовалась пресса той или иной страны, от политической ориентации соответствующего печатного органа, наконец, от порядочности, объективности автора, писавшего об этом.

На мой взгляд, для правильного понимания сложного комплекса проблем, связанных с репрессиями 30-х годов в СССР, первостепенное значение имеет мнение тех, кто был соратником Сталина или работал с ним в тесном контакте.

Во время перестройки и в последние годы опубликованы многочисленные мемуарные работы тех, кто был близок к Сталину, их различные интервью. Несомненный интерес с этой точки зрения представляет вышедшая в 1999 г. книга профессора Г.А. Куманева, в которой автор приводит свои интервью, взятые им в период с конца 50-х до конца 90-х годов у В.М. Молотова, А.И. Микояна, Л.М. Кагановича, П.К. Пономаренко, Г.К. Жукова, А.М. Василевского, С.М. Буденного, С.К. Тимошенко, А.Е. Голованова, И.Х. Баграмяна, Н.Г. Кузнецова, А.А. Новикова, А.В. Хрулева, Я.Е. Чадаева.

Это были люди, которые не понаслышке знали о репрессиях. Некоторые из них сами участвовали в этих репрессиях, большинство из них жило под страхом стать жертвой этого террора, так как

никто не был застрахован от такой судьбы. Другие в меру своих сил и возможностей пытались помочь тем, кто попал под жернова репрессий. Мнение этих деятелей, которые работали рядом со Сталиным и были больше и лучше осведомлены, чем кто-либо другой, в интересующей нас проблеме, представляет несомненный интерес.

Молотов был по существу вторым человеком в государстве, возглавлял правительство, затем НКВД, много лет был членом Политбюро, пользовался большим доверием Сталина. И, конечно, мнение такого человека особенно компетентно.

Во время встречи бывшего управляющего делами правительства во время войны Я.Е. Чадаева и Г.А. Куманева с Молотовым на вопрос Чадаева о степени виновности в терроре сподручных Берии Абакумова, Меркулова, Деканозова и других Молотов ответил: «Надо бы внимательно посмотреть все документы, ведь подлинных врагов и нестойких элементов в нашем обществе было немало. И проведенная чистка накануне войны была оправданным делом. Хотя при этом допускались и ошибки»⁴⁹.

Как видно из приведенных слов Молотова, его позиция по вопросу о репрессиях была довольно уклончива, но в целом он считал террор оправданным и необходимым.

Аналогичной была и позиция Л.М. Кагановича, занимавшего важное место в советской иерархии. Каганович считал, что «в каждом отдельном случае... конечно, можно найти изъяны и ошибки, безусловно, безусловно. Ну, а если подойти исторически к делу, то страну надо было очищать»⁵⁰. Каганович считал, что война подтвердила правильность курса Сталина на массовые репрессии: «Сталин был великим стратегом. Он видел, что, если оставить все как есть, со всеми этими прячущими голову под крыло, и если война будет, то они во время войны ударят нам в спину»⁵¹.

Каганович видел главную опасность в троцкизме. «Сейчас, — говорил он, — не понимают, что такое был троцкизм... Это же все люди, которые стояли во главе, в руководстве. Они занимались подпольной работой и конспирацией и считали себя правительством». Они, говорил Каганович, не были, может быть, шпионами, но шли на соглашения против народа⁵².

Каганович говорил в цитируемом интервью, что у Сталина не было огульного подхода к судьбам арестованных партийных руководителей. «Сталин, — подчеркивал Каганович, — сам колебался по многим. Он не по всем так рубил с плеча. Сталин по этим вопросам внимательным был». В аргументации Кагановича четко просматривались оправдательные нотки: «Суд был. Были обвинительный акт, приговоры, все, как полагается, все по закону»⁵³.

Самооправдательный характер объяснений Кагановича был понятен: и он, и Молотов несли личную ответственность за массовые репрессии. И это накладывало свой зримый отпечаток на все их высказывания, когда задавались вопросы относительно трагических событий 30-х годов.

Отношение Молотова и Кагановича к массовым репрессиям тем более показательны, что и того и другого они не обошли стороной. Жена Молотова после окончания войны была арестована и провела в заключении несколько лет. Брат Кагановича, которого обвинили в союзнничестве с «врагами народа», застрелился.

По-иному отвечали на аналогичные вопросы видные советские военачальники.

В 1968 г., выступая в Институте истории Академии наук СССР, маршал С.К. Тимошенко говорил: «Вы знаете о наших очень опасных, тяжелых годах, которые, собственно говоря, и подбодрили германский фашизм на то, что он может успешно провести молниеносную войну против Советского Союза». Маршал уточнил свою мысль: «Я имею в виду уничтожение партийных, советских и военных кадров. Гитлера буквально толкал на агрессивный восточный поход тот факт, что в СССР были по существу обезглавлены основные коллективы и воинские соединения»⁵⁴.

В страшные годы репрессий те, кто был арестован, вели себя по-разному. Маршал А.Е. Голованов, тоже попавший под жернова репрессий, вспоминал: «Известно, что от Тухачевского через несколько часов после ареста были получены показания, очерняющие многих полководцев. А от Константина Константиновича Рокоссовского, которому в тюрьме зубы повыбивали, и он потом долго болел, не добились ничего»⁵⁵.

Редкий случай, но за арест и пытки в тюрьме перед Рокоссовским извинялся Сталин. Члены семьи Рокоссовского рассказывали, что Сталин спрашивал его:

«— Там били?»

— Били, товарищ Сталин.

— Сколько у нас еще людей “чего изволите?” — сказал Сталин.

Он просил прощения у Рокоссовского. Возможно, это был единственный подобный случай»⁵⁶.

Г.К. Жуков рассказывал Константину Симонову, что реальная угроза ареста нависла и над ним, и только удачно проведенная им операция на Халхин-Голе спасла его от репрессий.

Маршал Голованов обоснованно говорил, что и в то страшное время были люди, которые не запятнали свою честь участием в репрессиях и доносами.

К. Симонов вспоминал, что во время одного бурного заседания он был свидетелем резкого обвинения Г.К. Жукова в адрес двух или трех участников этого заседания в том, что они несут прямую ответственность за репрессии 1937—1938 гг.

В ответ один из тех, кого обвинил Жуков, ответил, что время было такое, когда приходилось подписывать некоторые документы, вне зависимости от твоего желания. И если хорошо покопаться, то можно найти соответствующие документы и с подписью Жукова.

«Жуков резко повернулся и ответил:

— Нет, не найдете. Ройтесь! Моей подписи вы там не найдете.

Хорошо помню, как меня поразили тогда сила и уверенность этих слов, обращенных в прошлое»⁵⁷.

С протестами против террора выступало и высшее руководство страны. В июне 1937 г., в разгар ежовщины, с трибуны июньского (1937) Пленума ЦК ВКП(б) наркомздрав СССР Г.Н. Каминский потребовал прекратить репрессии. Он заявил, что «так мы перестреляем всю партию». Его поддержал И.А. Пятницкий, который с 1935 г. возглавлял политико-административный отдел ЦК ВКП(б). Оба выступления закончились трагически. Г. Каминский и И. Пятницкий были арестованы и репрессированы⁵⁸.

Очень резко высказывался о роли Сталина в истреблении военных кадров маршал И.Х. Баграмян. «Я затрудняюсь, — говорил Баграмян, — назвать Вам точную цифру погибших, но, несомненно, она значительно превышает 40 тысяч. К 1941 г. только в сухопутных войсках не хватало по штатам около 67 тыс. командных кадров»⁵⁹.

Нередко уничтожение комсостава было практически поголовным.

Страшные цифры приводил Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов: «Из двух флагманов флота 1-го ранга были арестованы двое, из двух флагманов флота 2-го ранга — двое, из шести флагманов 1-го ранга — шестеро, из 15 флагманов 2-го ранга — девять». Н.Г. Кузнецов с горечью констатировал: «Сколько... опытных военачальников, флотоводцев мы тогда недосчитались!.. Конечно, эти и другие ничем не оправданные потери — результат произвола и беззаконий — были невозполнимыми и ослабили наш флот»⁶⁰.

Об отношении Сталина к военным кадрам даже в самое тяжелое время войны вспоминал редактор армейской газеты «Красная звезда» Д. Ортенберг. В октябре 1941 г., в день введения осадного положения в Москве, Сталин позвонил Ортенбергу и сказал, чтобы в завтрашнем номере газеты был напечатан портрет Г.К. Жукова.

Старый газетчик не мог понять, почему Сталин в такой ответственный момент в битве за Москву обратился к нему со столь необычным распоряжением. Спустя некоторое время Жуков в разго-

воре с Ортенбергом разъяснил ему ситуацию: «Наивный ты человек... Он (Сталин.— *Р.И.*) не верил, что удастся отстоять Москву, точнее, не особенно верил, все время звонил и спрашивал меня: удержим ли Москву? Вот и решил, в случае потери столицы будет на кого свалить вину...»⁶¹

Мнение советских военачальников по вопросу о личной ответственности Сталина за массовое уничтожение командных кадров единодушно — он был инициатором и организатором этой кровавой чистки в вооруженных силах и несет за это персональную ответственность.

И.Х. Баграмян так сформулировал эту мысль: «...Когда... я вспоминаю жестокий сталинский произвол, массовые репрессии, в том числе и в наших Вооруженных Силах, гибель целой когорты прославленных героев Гражданской войны... у меня по отношению к Сталину остается только одно чувство — чувство осуждения.

Думаю, что история рано или поздно воздаст ему сполна...»⁶²

Мнение маршала Тимошенко и других военных специалистов, что массовые репрессии подтолкнули Гитлера к нападению на СССР, обосновано. Однако это только одна сторона проблемы. Для того чтобы определить весь комплекс причин, вызвавших агрессию Германии против СССР, необходимо учитывать резкий поворот в советской политике в направлении сближения с Германией, который произошел в канун Второй мировой войны, и соображения, которыми руководствовался Сталин, делая такой поворот.